

ПРИОРИТЕТЫ ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

© 2005 В. С. Приданов

Дипломатическая академия министерства иностранных дел Российской Федерации

В статье рассмотрены модели модернизации российской экономики в призме основных тенденций развития мировой экономики последних лет.

Россия с серьезным отставанием входит в русло основных тенденций мирового развития, и корни этого отставания уходят в советский период. Современная российская промышленность создавалась в условиях социалистического способа хозяйствования путем предельной мобилизации сил и средств и в основном под лозунгом классовой борьбы с капиталистическим Западом. Индустриальный рывок был заложен в 30-е годы и к началу второй мировой войны по объему основных видов промышленной продукции СССР уже обгонял многие ведущие капиталистические страны. При этом абсолютный приоритет отдавался развитию тяжелой промышленности, сырьевой базы, обеспечению военной безопасности и стремительному наращиванию технологического, научного и образовательного потенциала. Одержав победу в Великой Отечественной войне и восстановив народное хозяйство, страна продолжила форсирование своих оборонных усилий, осуществив в ходе гонки вооружений мощный технологический прорыв в области создания ракетных и обычных вооружений, атомной энергетики и космических технологий. Этот период связан с экстенсивным расширением кадрового потенциала и ускоренным ростом ВПК. На оборону в явном или скрытом виде направлялось до 25 % советского ВВП (в США и других ведущих странах НАТО - 4-7 %). К середине 80-х годов в сфере науки и научного обслуживания насчитывалось свыше 3 млн. чел., но при этом примерно 80 % научно-технического потенциала прямо или косвенно работало на военно-промышленный комплекс [1]. Для удовлетворения его растущих потребностей непрерывно расширялась топливно-сырьевая база. В условиях такой сверхконцентрации прак-

тически не уделялось внимания развитию гражданского производства и выпуску конкурентоспособной продукции.

Советский тип планово-директивной экономики сформировал принципиально иной, а именно, мобилизационный тип воспроизводства: приоритеты централизованно управляемых отраслей народного хозяйства определялись сложным взаимодействием административных структур (административных ресурсов) в процессе распределения разного вида экономических ресурсов (трудовых, финансовых, научно-производственных, материальных). Это обусловило, с одной стороны, возможность максимальной концентрации ресурсов на достижении приоритетных целей развития, а с другой, - способствовало сильной технологической "автономизации" привилегированных отраслей (как правило, оборонно-ориентированных). Сосредоточение потенциала высоких технологий преимущественно в рамках оборонно-промышленного комплекса снижало эффективность экономики в целом, поскольку влекло за собой усиление диспропорций в ее технологической структуре, ограничивало базу и замедляло темпы общего технологического обновления и экономического роста. Эта стратегия развития во многом определила не только специфические черты прошлой экономики, но и облик пока еще формирующейся российской рыночной экономики [2]. Напротив, опыт таких стран, как США или Япония, убедительно доказывает, что инвестиции в гражданские исследования дают несравненно больший экономический эффект, чем использование в коммерческих целях результатов оборонных разработок. Далеко не все оборонные разработки обладают экономической целесообразностью их конверсии в гражданс-

кие сферы: гражданская продукция, изготовленная с использованием оборонных разработок, оказывается неконкурентоспособной из-за слишком высоких цен.

По оценкам Стокгольмского института проблем мира, издержки при разработке оборонной техники в среднем в 20 раз превышали издержки, связанные с разработкой сопоставимой по сложности гражданской продукции. Таким образом, увеличение оборонной составляющей государственных расходов на НИОКР в целом тормозило научно-техническое и технологическое развитие нашей страны [3].

Кризис развития российской (советской) промышленности созревал по мере ослабления конфронтационного сознания на рубеже 70-80-х годов и роста противоречий между сложившейся гипертрофированной сферой материального производства и трансформационным вызовом, отвечающим новым тенденциям постиндустриального развития. Фактически Россия в отличие от Запада оказалась не в состоянии естественным путем перейти на инновационный путь развития.

Проведенные после распада СССР реформы, и в первую очередь безадресная приватизация и либерализация внешнеэкономических связей якобы с целью ускоренного подключения России к рынку, на самом деле повлекли за собой трагические для населения социальные последствия и отбросили страну далеко назад в технологическом, структурном и экономическом отношении. В результате беспредельного по масштабам раскрытия внутреннего рынка отечественные производители оказались незащищенными перед нахлынувшим в страну потоком иностранных товаров и в одночасье лишились около половины спроса на нем. Многие предприятия, не выдержав конкуренции из-за высокой себестоимости своей продукции, были остановлены, средний уровень загрузки пока еще действующих сегодня мощностей составляет 50 %. В целом же объем производства промышленной продукции за эти годы сократился втрое.

И чем технически сложнее производство, тем глубже спад. Фактически приостановился процесс обновления производства:

разработку и освоение инноваций ведут сегодня только около 5 % промышленных предприятий России (для сравнения: в США - около 30 %); на многих из них, особенно в машиностроении, немало структурно-депрессивных производств. Производительность труда в промышленности упала в настоящее время на 2/3 от уровня 1991 г. Если в 1990 г. мы отставали по этому показателю от США в 4,5 раза, то теперь - в 7 раз.

В условиях деградации производства предприятия все больше теряют способность производить наукоемкую продукцию, отдавая приоритет технически более простой и дешевой. Так, в структуре машиностроительного комплекса за последние пять лет доля наукоемкой продукции, выпускаемой с использованием преимущественно технологий пятого уклада (ядром которого являются электронная, вычислительная и оптоволоконная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение), снизилась с 45,3 % до 27,5 %, тогда как удельный вес продукции четвертого технологического уклада возрос за тот же период с 16,8 % до 32,3 %. В результате доля России в мировом производстве высокотехнологичной продукции не превышает в настоящее время 0,3 % (США – 36 %, Япония – 30 %).

Особенно тяжелые потери понес ВПК, который был основным носителем таких технологий. Это хорошо видно на примере его электронной отрасли. Если до 1990 г. она создавала примерно 2 % российского ВВП, то сейчас - менее 0,1 %, при том, что и сам ВВП существенно сжался, а объемы НИОКР в отрасли сократились в 7-8 раз. За 13 лет “реформ” отрасль потеряла 600 тысяч специалистов, а из 400 существовавших предприятий осталось 257, на которых работают около 160 тысяч человек. В итоге были утеряны многие высокоуровневые технологии и производства, в частности, мы отстали уже на три поколения интегральных схем от США и Японии.

В ходе деиндустриализации экономики продолжала усиливаться ее традиционная ориентация на эксплуатацию природных ресурсов, на торговлю сырьем и на нефтедоллары как главный источник наполнения бюд-

жета. И после распада СССР структура торговли осталась асимметричной: Россия экспортирует углеводороды, древесину и металлы, а импортирует в основном машины, оборудование, различные потребительские товары, в первую очередь продовольствие. Сегмент сырьевой продукции в общем объеме экспорта России за прошедшее пятилетие увеличился с 70 до 80 %, и сегодня он на 60 % состоит из нефти и газа. Доля же машиностроительной продукции в общем объеме российского экспорта снизилась за прошедшее десятилетие с 17,5 % до 9 %.

Около 40 % импорта приходится на инновационные товары. При этом, однако, они не всегда отличаются новизной, особенно машины и оборудование производственного назначения. Дело в том, что у наших в основном бедствующих предприятий, как правило, не находится средств для закупки новейшей техники. В результате нередко приобретает уже подержанное оборудование, от которого избавляется зарубежный партнер, скажем, в ходе технологической перестройки своего производства. Или же он выводит таким образом из своей страны трудоемкое, экологически вредное или ресурсоемкое производство, и т. д. Цена такого оборудования, разумеется, на порядок меньше, но, приобретая его, покупатель тем самым как бы консервирует у себя технологическую отсталость.

Резкое ухудшение состояния технологической базы экономики нередко преподносится как чуть ли не объективное явление, свойственное переходному периоду. Однако на самом деле это не так, ибо мировой практике известны и вполне благополучные модели технологического развития стран с переходной экономикой. Так, в послевоенный период такая модель была продемонстрирована Японией и Германией, в 70-80-е гг. - новыми индустриальными странами Юго-Восточной Азии. Прежде всего, имеется в виду динамизм, обусловленный осознанной политикой поддержки науки, образования и наукоемких производств. С другой стороны, мы являемся свидетелями инфляционного стагнирующего роста в государствах Латинской Америки, не создавших благоприятно-

го инновационного и инвестиционного климата, допустивших деградацию науки и образования. К сожалению, по многим параметрам экономического и научно-технического развития Россия сейчас ближе к модели латиноамериканских стран.

Совершенно очевидно, что продолжение у нас политики стагнации ведет к чрезмерной зависимости важнейших систем жизнеобеспечения страны от внешних факторов, а это не может не создавать угрозы ее безопасности. К числу таких угроз относятся: во-первых, продолжающееся доминирование топливно-сырьевой составляющей в экономике и связанное с этим ее подчинение ценовым капризам отраслевого рынка, и, во-вторых, растущее технологическое отставание от индустриально развитых стран и неспособность выстроить собственную инновационную систему.

Если и дальше следовать этой модели развития, значит обрекать себя на безнадежное отставание от мировых стандартов в одной компании с беднейшими и зависимыми странами. Необходимо переломить нынешнюю тенденцию, подчинив стратегию развития экономики и внешнеэкономических связей превращению страны в общество, способное обеспечить не только самосохранение, но и выход в разряд наиболее развитых в технологическом и цивилизационном отношении стран. Конечно, в одночасье решить эту проблему невозможно, так же, как и было бы абсурдным уже сегодня начать свертывание топливно-сырьевого экспорта, он еще надолго сохранит свое значение, однако основная ставка на него без учета современных общемировых тенденций представляется необоснованной и бесперспективной.

Для того, чтобы органично вписаться в современные мировые тенденции инновационного экономического развития, в первую очередь необходима глубокая структурная перестройка производства, его всесторонняя модернизация, на что потребуются, по разным оценкам, 20-25 лет и как минимум по 15-20 млрд. долларов ежегодных инвестиционных вложений. У государства же, по крайней мере при том нищенском федеральном бюджете, который сегодня вдвое меньше го-

дового бюджета Нью-Йорка, таких средств, разумеется, нет. Подсчитано, что в лучшем случае оно может позволить себе профинансировать не более 4-5 % этой суммы, что хватит лишь на поддержание стареющих производственных мощностей. При таком положении остается надеяться только на внутренние дополнительные резервы, выявленные в ходе реформирования экономики, и на иностранные инвестиции.

В настоящее время именно международное движение капиталов является главной движущей силой развития мировой экономики и международных экономических отношений. Совокупный объем прямых инвестиций в мире в 2003 году составил более триллиона долларов. Из них почти половина приходится на четыре страны: США, Японию, Германию и Великобританию. За оставшийся объем инвестиций борются около 180 стран мира. Большое количество иностранных инвестиций идет в страны Латинской Америки и Азии. На Россию же из этой суммы приходится сейчас только около 0,5 %, в то время как по экспертной оценке ее конкурентная зона - порядка 5 %. Это означает, что при удачной конкуренции с другими странами нам по плечу выйти на уровень 50 млрд. долл. в год. Становится очевидным, что для сохранения и развития индустриального потенциала страны в стратегии и тактике реформ должна быть усилена направляющая и регулирующая роль государства.

В настоящее время на долю государства приходится только 15 % ВВП (по сравнению с 45-55 % в странах ЕС), а остальное находится в частных руках. Действительно, при таком раскладе сил и неуправляемом промышленном и инвестиционном процессе у государства с опорой только на свой потенциал собственности нет реальных шансов в одиночку вытянуть на своих плечах стратегию модернизации. Во всяком случае, частный сектор его не поддержит, так как по определению заинтересован вкладывать средства в отрасли с быстрым оборотом капитала, обеспечивающим высокую прибыль. А это, прежде всего, экспорт сырья и производство потребительских товаров. Что же касается модернизации, то она должна опираться на машиностроительные и высокотехно-

логичные отрасли, дающие отдачу не немедленно, а спустя 3-5 лет и в более отдаленной перспективе. Естественно, они останутся практически без инвестиций, так как частный инвестор сюда не придет, а у государства просто не хватит для этого средств.

Поэтому, чтобы остановить рыночный самотек и развернуть промышленный потенциал страны навстречу модернизации и инновационному развитию, государству необходимо наладить содержательное взаимодействие с частным бизнесом в решении общих задач хозяйственной модернизации и антикризисной трансформации российской экономики. А это предполагает, что оно должно усилить свою регулируемую и контролирующую роль в общеэкономическом процессе путем проведения целенаправленной финансовой, инвестиционной, налоговой и ценовой политики.

Реальное государственное влияние, выходя за рамки государственного сектора, создает таким образом возможность обеспечения общенациональных интересов как на уровне экономики в целом, так и в отдельных ее отраслях и предприятиях независимо от форм собственности. Известно, например, что в США подавляющая часть предприятий оборонного комплекса находится в руках частного капитала или представляет собой смешанную форму собственности. Однако государство путем развитой системы заказов и контрактных отношений полностью контролирует и определяет развитие этого сектора экономики.

Рассматриваемая модель активизации участия государства в регулировании и одновременно повышении эффективности рыночной экономики не является чем-то новым в капиталистической практике: она с успехом использовалась в 30-х годах в ходе реализации "нового курса" Ф.Рузвельта по выводу народного хозяйства США из "Великой депрессии". Первое, что сделал тогда американский президент, подчинил себе банки, пригрозив им национализацией, если они откажутся придерживаться начертанного им курса. В ненадежных банках назначили государственных управляющих. Национализировали группу электростанций, питавших электроэнергией промышленность шести штатов.

Были приняты чрезвычайный закон об оздоровлении промышленности, законы о регулировании зарплаты, честной конкуренции и др. Через два месяца страна поверила Рузвельту, а через пять лет США вышли из кризиса. Интересен также американский опыт демилитаризации экономики в 50-е годы, решение социальных проблем умирающего гигантского угольного бассейна в Аппалачах, наконец, политическая и материальная, прямая и косвенная поддержка отечественных производителей в настоящее время. Другой пример использования такого подхода дает послевоенная Япония, где именно государственные меры по реформированию экономических отношений, институтов и механизма хозяйствования очень быстро привели к знаменитому «экономическому чуду» - технологическому перевороту в экономике. И в том, и другом случае ключевая роль отводилась государству и системе законодательства, которые и формировали в этих странах институциональный каркас рыночной экономики. Экономистов-приверженцев модели управляемой экономики (У. Митчела, М. Вебера, Дж. Гэлбрейта, Д.Норта, Р. Коуза и др.) объединяло неприятие идеализации рыночного механизма и веры в универсальные регулирующие свойства рынка, соответственно, критичность в оценках нереалистичных постулатов либерализма.

Понятно, что и в нашем случае речь идет не о возврате к государственно-монополистической командной экономике, а об усилении роли государства как гаранта формирования здоровых рыночных отношений и свободы конкуренции на внутреннем рынке. Имеется в виду создание соответствующей нормотворческой базы путем реформирования правовой, судебной и административной системы. Наряду с мерами по реформированию естественных монополий, по поддержке предпринимательской деятельности и последовательному осуществлению антимонопольной политики жизненно необходимы шаги, направленные на упорядочение финансовой деятельности мерами государственного контроля, а также создание механизма защитных гарантий для инвестиций. Это позволит серьезно увеличить инвестиционные

возможности государства. Подсчитано, например, что только за счет внутренних источников объем нынешних капиталовложений можно увеличить к 2005 г. в полтора раза, а к 2010 г. - вдвое. К числу других мер в этой области, в том числе уже намеченных к осуществлению, можно отнести высвобождение доходов предприятий реального сектора, «скрытых» в неденежных формах расчета, сокращение вывоза капитала и привлечение валютных активов резидентов, снижение производственных издержек в результате роста эффективности использования факторов производства (например, за счет реструктуризации основных фондов и повышения уровня загрузки мощностей). Большое значение для расширения инвестиционных ресурсов будет иметь стабилизация реальных доходов и накоплений населения, восстановление его доверия к банковским учреждениям.

Модернизация российской экономики невозможна без государственной промышленной, инновационной и научно-технической поддержки перспективных отраслей и подотраслей промышленности, в которых сосредоточена национальная технологическая база, создания для этого подходящего инвестиционного климата и использования других прагматических мер, в том числе направленных на активизацию участия страны в международном технологическом разделении труда. Как отмечалось в федеральной целевой программе «Национальная технологическая база» (1995-2005 гг.): «Обеспечение гарантированной защиты жизненно важных интересов общества и государства, его экономической и военно-технической независимости, сохранение возможности разработки и производства наукоемкой конкурентоспособной продукции в условиях структурной перестройки, требуют государственной поддержки».

Какова роль государства в налаживании финансирования новой экономики, как иногда называют сферу информационных технологий? Что здесь могли бы предпринять государственные органы?

Во-первых, государство само могло бы выступить крупным заказчиком продукции информационных технологий и для «элект-

ронной России” - для самих государственных органов, государственных предприятий и организаций, для которых тоже нужно наметить программу автоматизации и информатизации. Если бы представители государства в Центральном банке, Минфине, Минтруда, Газпроме, РАО “ЕЭС”, “Роснефти”, в организациях железнодорожного транспорта, “Аэрофлоте”, “Связьинвесте” и “Ростелекоме”, в Сбербанке, крупных оборонных концернах, не говоря уже о Министерстве обороны и других силовых ведомствах, обеспечили российским фирмам серьезные заказы - именно российским фирмам, - то одно это подняло бы сферу информационных технологий и стране в 3-5 раз. Разумеется, эти заказы нужно делать на конкурсной основе, с выдвижением предварительных требований к фирмам, которые могут выполнять такие заказы. И уже это сразу же оказало бы сильнейшее влияние и на размеры этих фирм, и на их сертификацию по качеству, и на необходимость привлечения высококвалифицированных кадров, в том числе из-за рубежа (прежде всего россиян), и их альянсы с ведущими западными фирмами.

Во-вторых, государство могло бы оказать сильное воздействие на крупнейшие в России промышленно-финансовые группы, прежде всего топливно-энергетического и металлургического профиля, которые проводят диверсификацию своего бизнеса для снижения рисков, побудив их вкладывать на выгодных условиях инвестиции в информационные технологии и освободив эти средства от налогообложения, и т. п.

В-третьих, государство могло бы многое сделать для облегчения российским ИТ-компаниям выхода на внешний рынок. В дополнение к снятию административных, налоговых и таможенных препонов, о чем уже говорилось, целесообразно осуществлять прямую господдержку участия наших организаций в международных выставках, организации зарубежных отделений, прежде всего по торговле (без присутствия в передовых странах нельзя развивать информационные технологии), ибо подавляющее большинство достижений, которые надо использовать, возникают там, и там основной рынок ИТ. Ин-

тересен опыт Австралии, где государство активно и щедро поддерживает свои компании в этой области, освобождает иностранные фирмы “хай-тек” от налогов, если последние кооперируются с австралийскими фирмами, а малые фирмы стимулирует вдвойне, так как они создают здесь основные рабочие места и обычно специализируются не на выпуске серийного продукта, а на разработке и поставке услуг, отличающихся новизной. В этом процессе широко задействованы австралийские посольства и торгпредства. По примеру Австралии и у нас можно было бы активизировать участие государства, нацелив на это наши торгпредства, и т. п.

В-четвертых, на таких же началах государство может содействовать привлечению в Россию иностранного капитала в ИТ-бизнес, поощряя через налоговые, таможенные и другие льготы как прямые вложения и организацию здесь иностранных компаний соответствующего профиля, технологических инкубаторов и парков, так и формирование венчурных фондов, инвестиционных компаний, специализированных банковских кредитов и т. п. Большую роль здесь могли бы сыграть государственные гарантии на вложения средств в информационные технологии. Помимо прямой пользы широкое привлечение иностранного капитала содействовало бы привнесению западной культуры и передовых технологий, в том числе в сферу организации новой экономики. Те же льготы могли бы быть распространены и на заказы западных фирм нашим ИТ-организациям. Нужно стремиться к тому, чтобы товары и услуги в рассматриваемой области, выполняемые в России по заказам иностранных фирм, были для заказчиков выгоднее, чем в других странах.

В-пятых, через государственные банки - Сбербанк, Внешторгбанк и т. п. - государство могло бы наладить серьезное льготное кредитование информационных технологий, привлекая с этой целью с помощью синдицированных кредитов финансовые средства частных и иностранных банков и инвестиционных компаний, создав для этого привлекательные условия. Очень важны кредиты малым технологическим фирмам, без чего они не могут успешно развиваться.

В-шестых, через инструменты регулирования фондовых рынков государство могло бы содействовать скорейшему выходу на открытый рынок крупных ИТ-компаний России, сначала на отечественный фондовый рынок, а потом и на фондовые рынки других стран. Кстати, этот путь успешно прошли израильские и индийские ИТ-фирмы - есть, у кого перенимать опыт. В дальнейшем в России могла бы быть организована и специальная биржа по котировке акций высокотехнологичных компаний.

Одно из основных препятствий на пути развития информационно-технологической отрасли в России заключается в отсутствии нормального механизма финансирования инновационной деятельности. В современной экономике инновационная деятельность

осуществляется в значительной мере вновь создаваемыми предприятиями. В условиях России это особенно важно, так как большинство старых, давно существующих предприятий не способно к инновационной деятельности и не ведет ее в силу объективных причин.

Список литературы

1. Ракитов А. И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях, ИНИОН РАН. - М., 1998.
2. Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. Избранные труды в трех книгах. Кн. 1. - М: Наука, 1997.
3. Космическое оружие: дилемма безопасности, под ред. Е. П. Велихова, Р. З. Сагдеева, А. А. Кокошина. - М.: Мир, 1986.

PRIORITIES OF RUSSIA'S INNOVATION STRATEGY IN CONDITIONS OF ECONOMIC GROWTH

© 2005 V. S. Pridanov

Russian Federation, Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs

The paper deals with the models of Russian economy modernization in the light of the main tendencies of world economy development of the recent years.